

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ» /
SECTION «POLITICAL SCIENCES AND AREA STUDIES»

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ,
ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ, ИСТОРИИ РОССИИ /
RUSSIAN REVOLUTION IN HISTORIOGRAPHY, PHILOSOPHY
OF HISTORY, CULTURAL STUDIES, HISTORY OF RUSSIA

Серия «Политология. Религиоведение»

2017. Т. 22. С. 10–18

Онлайн-доступ к журналу:

http://izvestia_polit.isu.ru/ru/index.html

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 94(470)«1917»(045)

Российские революции 1917 года: драма познания

В. И. Голдин

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск*

Аннотация. Анализируется широкий спектр проблем современного изучения российских революций 1917 г., исследуются научные и политические факторы эволюции их оценок и восприятия. Раскрываются истоки и причины революционного процесса в России, рассматриваются дискуссии «пессимистов» и «оптимистов» на современном этапе, движение от Февраля к Октябрю. Исследуется совокупность факторов, которые способствовали радикализации революционного движения в стране в 1917 г. и содействовали приходу большевиков к власти.

Ключевые слова: революция, революциология, историография, познание, альтернативы, «пессимисты», «оптимисты», стихийность, сознательность, диалектика революционного процесса.

Автор, работая уже около 30 лет в составе научных советов Академии наук страны, исследующих и координирующих изучение российской революционной проблематики, должен признать, что произошли глубокие перемены в подходах, характере и результатах ее осмысления, что обусловлено как научными причинами, так и факторами политического свойства. Характеристике этих процессов и будет посвящена эта статья.

Во избежание облегченного восприятия российских революций 1917 г., или великой российской революции 1917 г., как нередко звучит определение происходившего в ту пору сегодня с целью подчеркнуть цельность и неразрывность революционного процесса, начнем с того, что изучение революций – революциология, наука о революциях, их общих свойствах, характерных чертах, закономерностях и особенностях – вот уже на протяжении нескольких столетий является одним из важных направлений мировой общественно-политической и научной мысли.

Зарождение дискуссий на тему революций и их роли в истории относилось к эпохе Нового времени и было связано с первыми революциями в Голландии и Англии. В дальнейшем количество революций в европейской и мировой истории множилось. Увеличение их числа, разнообразие видов и типов вызывало и многообразие суждений о них, где присутствовал весь спектр мнений – от критики и низвержения до апологетики.

На протяжении веков сложились основные направления революциологии: абстрактно-натуралистическое, политико-правовое, социально-структурное или системно-структурное, психологическое, социально-дарвинистское и др. Критериями оценки революций становятся зрелость предпосылок, степень подготовленности и участия масс, продолжительность, идеология, цели лидеров и участников движения, соотношение стихийности и сознательности, уровень насилия, глубина разрыва с прошлым, достигнутые результаты, влияние на страну и мир и др.

Революции подразделяют на такие как: массовые, революционный переворот, переворот-реформа, дворцовая революция и др., а также на политические, когда происходит переход государственной власти от одного класса к другому, и социальные, когда они знаменуют собой переходы между формациями. Революции вызывают и приязнь (за великие идеи, цели и идеалы, стремление к справедливости, свободе, созданию более прогрессивного социального порядка, к освобождению человеческой личности или целых народов от гнета и порабощения и др.), и ненависть (за насилие, нестабильность, нередко узурпацию власти новой политической элитой или ее отдельными представителями).

Исследователи особо выделяют великие революции в истории человечества, относя к их числу те, которые имели значение не только для данной страны, отличались длительностью, ожесточенностью, драматизмом, масштабностью перемен, глубоким разрывом с прошлым. Значение и уроки подобных великих революций вызывают особый интерес спустя десятилетия или даже века. К их числу наряду, например, с Великой французской революцией относят и революции 1917 г. Страны и нации по-разному воспринимают свои великие революции. Где-то их уважают и отмечают как государственный праздник, а где-то страна и нация расколоты из-за разных взглядов на них. Это и происходит сегодня в отношении российской революции (или революций) 1917 г.

Несколько десятилетий ее, точнее ее своеобразный пик, высший рубеж – Октябрьскую революцию, именовавшуюся с 1930-х гг. Великой Октябрьской социалистической революцией, отмечали в СССР как главный государственный праздник, день рождения новой социалистической цивилизации. Так ее нередко воспринимали и в мире, а в рамках высшего международного форума историков планеты – Международного комитета исторических наук в октябре 1984 г. была создана специальная Международная комиссия по истории Октябрьской революции.

Но ситуация в СССР и мире в отношении Октябрьской революции и революционного процесса в целом кардинально изменилась на рубеже 80–90-х гг. XX в. и в последующий период. Это было обусловлено кризисом и распадом СССР и социалистической системы, что, казалось, знаменовало и победу в ис-

торическом соревновании капиталистической цивилизации, финал эпохи революций и безусловный примат в грядущем развитии реформ над революциями, революционным способом обновления.

Новые политические реалии постсоветской России и новая политико-идеологическая конъюнктура, расширение возможностей международного сотрудничества и диалога привели к дифференциации и размежеванию ранее внешне, казалось бы, единого профессионального сообщества историков 1917 г. в России. Оно становилось столь же дифференцированным в отношении изучения и восприятия этой тематики, как и за рубежом. Во взглядах на 1917 г. в современной России присутствуют представители всего спектра политических и иных взглядов: коммунисты и антикоммунисты, монархисты, консерваторы и либералы, «оптимисты» и «пессимисты» и др.

В зарубежной историографии после распада СССР перешли в идеологическое наступление сторонники посттоталитарных и консервативных концепций 1917 г. в России, а бывшие историки-ревизионисты, и ранее единые во многом лишь внешне, стали стремительно утрачивать позиции и дифференцироваться.

В целом, если касаться общих тенденций восприятия событий 1917 г. в современной России, то следует признать выраженный негативистский тренд в их трактовке. Это касается не только публицистики, но и научной литературы. К тому же падает уровень анализа исследуемых проблем 1917 г. во всей их совокупности и взаимосвязи.

Сегодня активизировалась дискуссия между «пессимистами» и «оптимистами» в трактовке истоков и причин революций 1917 г. в России. Если первые считают, что комплекс различного рода противоречий и факторов делал невозможными реформацию России и решение назревших острых вопросов мирным путем и что революции были неизбежны и закономерны, то вторые полагают, что процесс модернизации Российской империи шел успешно, она была вполне реформируема и можно было избежать революций.

На протяжении советского периода истории и до недавнего времени в отечественной историографии господствовали «пессимистические» взгляды на развитие России в начале XX в., утверждавшие закономерность и неизбежность свершившихся революций. Но в современной отечественной историографии появились и множатся «оптимисты», полагающие, что Россия развивалась вполне успешно и динамично, а революционных потрясений можно было избежать.

Наиболее известной фигурой на современном российском «оптимистическом» поприще является, безусловно, Санкт-Петербургский историк, профессор Б. Н. Миронов, пытающийся доказать своими объемными сочинениями, что в позднеимперской России преобладали положительные тенденции, которые при удачном стечении обстоятельств позволили бы избежать революций [6–7].

Впрочем, у Миронова есть не только сторонники, но и серьезные оппоненты и критики. Публичная дискуссия с ним уральского исследователя С. А. Нефёдова несколько лет назад была опубликована и стала достоянием широкой научной и иной общественности [9]. Много критических слов в адрес работ Б. Н. Миронова высказал ушедший из жизни Санкт-Петербургский историк, профессор А. В. Островский. Другим резким критиком Б. Н. Миронова

является московский историк, профессор В. П. Булдаков, издающий объемные сочинения на тему «красной смуты», российского хаоса и этноса [1–2]. Лейт-мотивом его последней книги, написанной в соавторстве с Т. Г. Леонтьевой, стало утверждение, что революционный 1917 г. в России был порождением Первой мировой войны [3].

Полемике со своими оппонентами Б. Н. Миронов посвятил монографию «Страсти по революции», вышедшую в последние годы двумя изданиями [8]. В этой книге содержится немало интересных размышлений и, по мнению автора этих строк, известные отступления от крайних позиций, декларировавшихся в его монографиях по социальной истории Российской империи.

Б. Н. Миронов констатировал не только успехи модернизации в России, но и ее трудности: 1) в российском обществе росла социальная и культурная фрагментация; 2) социальные изменения шли асинхронно (в сравнении с другими европейскими странами); 3) степень охвата России новыми социальными, экономическими, культурными и политическими процессами была меньше; 4) сказывалось позднее вступление России в процесс модернизации, непрерывающаяся колонизация и асимметричная европеизация различных социальных групп и этносов. В итоге Миронов вынужден был признать, что к 1917 г. российское общество не соответствовало в полной мере ни одному из критериев современного общества и не справилось с трудностями модернизации [8, с. 63, 227].

Резюмируя остроту современной полемики в России между «оптимистами» и «пессимистами», заметим, что дискуссии на эту тему, несомненно, будут продолжаться и им, объективно говоря, не прожить друг без друга, а их мирное научное сосуществование призвано стимулировать научный поиск в названном направлении.

Исследуя истоки российской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны, автор этих строк неоднократно подчеркивал в своих работах необходимость комплексного подхода и анализа их в контексте как «длинной» (или «долгой»), так и «короткой» истории [4, с. 18–21; 5, с. 17–19]. В первом случае речь идет о десятилетиях и даже веках предшествующей российской истории, характеризующих своеобразный генотип ее, из которого происходили предпосылки для многочисленных внутренних коллизий – крестьянских войн, восстаний, национально-освободительных движений, смут и др. Следует вспомнить концептуальные размышления исследователей о «расколе», характерном для российского общества на протяжении нескольких веков, о России как «расколотовой цивилизации», о конфронтационном типе российской истории и политической культуры. И, разумеется, надо помнить историю первой российской революции, анализируя то, какие уроки власти предрекающие извлекли из нее, что сделали (или не сделали) для того, чтобы революционная буря не повторилась вновь.

Когда речь идет о так называемой короткой истории, объясняющей революционные взрывы 1917 г., то в данном случае следует анализировать процессы, происходившие в годы, месяцы и дни, непосредственно предшествовавшие им. Столетие Первой мировой войны сконцентрировало внимание исследователей на связанных с ней процессах, и многие ныне объясняют 1917 г. именно ее тяготами и испытаниями, подчеркивая, что он стал детищем этой войны. В определенной мере это справедливо, но не сводится только к этому.

Причины, обусловившие революционный процесс 1917 г. в России, многообразны. Среди них надо в первую очередь назвать фундаментальные социальные аномалии, глубокую поляризацию общества, вопиющее неравенство, унижение и оскорбление человеческого достоинства простых людей. Особенно напряженным и взрывоопасным было положение в деревне.

Низкий уровень и качество жизни широких слоев населения и их резко ухудшившееся положение в годы Первой мировой войны также способствовали росту недовольства и вели к социальным взрывам.

В экономике России, несмотря на происходившие в начале XX в. изменения, было множество противоречий, и прежде всего между городом и деревней, городской и сельскохозяйственной экономикой и в сельском хозяйстве. В экономическом отношении Российская империя считалась страной второго эшелона капитализма, и в международном разделении труда ей отводилась роль сырьевого придатка экономик развитых государств. Догоняющий, сложный и несинхронный процесс капиталистической модернизации России таил в себе много проблем и противоречий.

При наличии выдающихся образцов элитарной культуры и духовного творчества и интересных традиций народной культуры Россия серьезно отставала в культурно-образовательном отношении от передовых стран.

Во многом архаичная политическая система страны, хотя и переживавшая некоторые новации (сложно вписывавшиеся в политический организм и традиции управления), царь и его властное окружение, явно не соответствовавшие требованиям переживаемого времени, десакрализация власти дополняли общую картину предреволюционной России.

Февраль 1917 г., открывший новую эпоху революционных процессов и потрясений в России и в мире, всегда порождает разнообразие суждений и оценок. И столетие этой даты вызвало новый всплеск полемики о том, что это было: предательство монарха его окружением, заговор, буржуазная, буржуазно-демократическая или демократическая революция.

Февралю 1917-го нередко отказывают сегодня в статусе революции, утверждая, что царизм изжил себя и саморазвалился. Эта точка зрения далеко не новая, но ее пытаются подтверждать ныне дополнительными аргументами. Но остается большим вопросом, произошло ли бы это падение или дворцовый переворот, если бы не революционные потрясения в Петрограде, сокрушившие самодержавие и вызвавшие отрицание старой власти на фронте и в тылу, в российских и национальных регионах.

Вместе с тем изложенная точка зрения ведет к многообразию вытекающих из нее выводов и последствий. Среди них, например, отрицание революционного подъема и творчества масс, сведение всего происходившего в феврале – марте 1917 г. лишь к деятельности либеральной буржуазии и части интеллигенции.

В последние годы популяризируется суждение о том, что 1917 г. в России, начиная с падения или свержения самодержавия, был трагической и неоправданной ошибкой истории. Его придерживаются значительная часть российского политического и религиозного истеблишмента и некоторые историки. Подобный взгляд отражен в материалах международной конференции, организован-

ной еще семь лет назад, в ноябре 2010 г., на базе одного из мозговых центров российской власти – Российского института стратегических исследований (РИСИ), в которой принимали участие русские и зарубежные консервативные политики и деятели церкви [12].

Февраль 1917 г. не может быть назван революцией, утверждал тогда директор РИСИ Л. П. Решетников, ибо он фактически означал гибель традиционного русского государства и традиционного русского жизненного уклада, слом русского цивилизационного кода. Он указывал, что первые десятилетия XX в. стали временем отречения «образованного» российского общества от русской духовности и традиций. «Царь остался в православном поле, а его оппоненты из духовной и политической элиты это поле покинули», – резюмировал Решетников. В феврале 1917 г., по его мнению, рухнули государственные и духовные опоры русского народа, произошел серьезный надлом его традиционного национального кода, окончательно сломленного последующими событиями [11, с. 57, 60; 12, с. 22–23].

Другие выступления на этой конференции были близки по содержанию и выводам вышеизложенным. Указанная конференция стала своеобразной политико-идеологической репетицией к грядущему 100-летию революционных событий 1917 г. в России.

Идеи политического консерватизма, с сожалением по поводу падения самодержавия и свершившихся революций, оценка их как национальной катастрофы весьма распространены на идеологической авансцене российской современности. Это ярко проявилось, например, в выступлении Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на XXV Международных Рождественских образовательных чтениях в Москве в январе 2017 г., на некоторых конференциях, посвященных 100-летию Февральской революции, в деятельности «Общества развития русского исторического просвещения “Двуглавый орел”», которое видит свою задачу в исторической реабилитации русской монархии, и др.

В последние годы не появилось новых глубоких монографических исследований на тему Февраля 1917-го. Можно отметить лишь посвященный Февральской революции и опубликованный несколько лет назад в жанре книги очерков третий том серии «Первая мировая война и конец Российской империи», подготовленный Санкт-Петербургским институтом истории РАН [10].

Предметом страстных дискуссий в современной научной литературе остается последующее развитие событий в России в 1917 г. И здесь налицо разнообразие интерпретаций, касающихся деятельности Временного правительства меняющегося состава, Советов, различных политических партий и иных сил как в центре, так и на местах, и в конечном итоге полярные оценки сущности происшедшего: был ли это нарастающий хаос, смута, охлос и охлократия, или столкновение различных цивилизационных проектов, либо же противоборство разных видений демократии – представительной, западного, либерального типа, или прямой, когда создаваемые в центре и на местах органы, отражавшие интересы тех или иных слоев населения, пытались собственными усилиями, не надеясь на деятельность государственных органов, воплотить их в жизнь.

Период между февралем и октябрём 1917 г. стал временем активных поисков путей обновления страны, динамичных перемен и вместе с тем кризис-

ного развития. Это были не только кризисы власти Временного правительства и в результате смены его составов, но и нарастание сложностей в решении основных вопросов, стоявших на повестке дня: война и мир, о земле, рабочий вопрос, национальный вопрос и др.

Вышедшие на арену социальной и политической жизни широкие слои населения, в массе своей не имевшие политического опыта, стремительно радикализировались и выходили далеко за пределы буржуазно-демократической программы либералов и умеренных социалистов. Надежды все более связывались с социалистической перспективой, и эти идеи становились самыми привлекательными уже весной – летом 1917 г.

Попытка консервативных политических кругов, опираясь на военную силу, разгромить в августе 1917 г. леворадикальные силы (выступление под руководством генерала Л. Г. Корнилова) завершилась провалом, а неудачная попытка повернуть политический маятник страны вправо обернулась его поворотом влево.

При разнообразии интерпретаций и оценок развития событий в России осенью 1917 г. и причин прихода к власти большевиков автор придерживается концепции множественности или серии революций (революционных потоков), сложным образом взаимодействовавших, переплетававшихся, противоборствовавших и дополнявших друг друга. Именно эти процессы и определяли сложнейшую диалектику развития революционного процесса в России в 1917 г.

Революционные процессы 1917 г. можно охарактеризовать как сложное переплетение рабочей, крестьянской, солдатской, национальных, региональных, локальных и ряда других революций с мощным разрушительным компонентом – антибуржуазным, антипомещичьим, антивоенным, антиимперским, антибюрократическим, антицентралистическим и др. Сложнее выражались конструктивное начало и ориентир развития. Вместе с тем рабочая революция была нацелена на коренные преобразования в системе производства, социального порядка и в перспективе на социализм. Крестьянская революция была связана с чаяниями «черного передела». Солдатская революция, помимо отрицания войны и нацеленности на демократический мир, предполагала демократизацию армии. Национальная революция была связана с демократизацией национальных и национально-государственных отношений и предполагала реализацию права наций на самоопределение, вплоть до отделения и создания самостоятельных государств. Региональные и локальные революции добивались демократизации центрo-периферийных отношений, возрастания роли регионов и мест в новой государственной политике.

При всей известной противоречивости целей и устремлений разных революционных потоков они объединились осенью 1917 г. в отрицании власти Временного правительства. Это воплотилось в главных и наиболее популярных в ту пору лозунгах: «Землю – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!», «Мир – народам!», «Свободу – национальностям!» и др. Большевики (единственная крупная партия, не скомпрометировавшая себя вхождением во Временное правительство) подхватили эти лозунги, сделав их частью своей политической программы, это во многом обусловило то, что им удалось прийти к власти.

Вместе с тем приход к власти во главе протестных движений, разноречивых по своей природе и программе действий, предопределил и будущие труд-

ности большевиков во власти, а во многом и грядущую Гражданскую войну в России. Реализовать социалистический сценарий развития в малоподготовленной для этого стране оказалось исключительно сложным делом, но это уже совсем другая тема.

Список литературы

1. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – 2-е доп. изд. – М. : РОССПЭН, 2010. – 967 с.
2. Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России. 1917–1918. История возникновения, хроника, комментарий, анализ / В. П. Булдаков. – М. : Нов. хронограф, 2010. – 1088 с.
3. Булдаков В. П. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. / В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. – М. : Нов. хронограф, 2015. – 720 с.
4. Голдин В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы / В. И. Голдин. – Мурманск : МГГУ, 2012. – 333 с.
5. Голдин В. И. 1917 год в России в историографической ретроспективе и перспективе / В. И. Голдин // 1917 год в судьбах России и мира: сб. материалов Междунар. науч. конф. / ГОУ ВПО «ПГУ»; [отв. ред. В. И. Голдин]. – Архангельск : Солти, 2007. – С. 8–29.
6. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. / Б. Н. Миронов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Весь мир, 2012. – 848 с.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – 3-е изд., испр. – СПб. : Дм. Буланин, 2003. – 2 т.
8. Миронов Б. Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации / Б. Н. Миронов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Весь мир, 2014. – 336 с.
9. О причинах Русской революции. 7-й выпуск альманаха «История и математика» / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. – М. : ЛКИ, 2010. – 432 с.
10. Первая мировая война и конец российской монархии : в 3 т. Т. 3. Февральская революция / Р. Ш. Ганелин [и др.]. – СПб. : Лики России, 2014. – 432 с.
11. Решетников Л. П. Духовно-нравственные причины национальной катастрофы: уроки истории / Л. П. Решетников // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. – 2011. – № 2. – С. 56–67.
12. Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России / под ред. М. Б. Смолина, В. Н. Филяновой. – М. : РИСИ, 2011. – 328 с.

1917 Russian Revolutions: Drama of the Insight into the Problem

V. I. Goldin

Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk

Abstract. A wide variety of problems of contemporary studies of the Russian revolutions of 1917 are analyzed. Scientific and political factors of their assessment and reception are studied. The author examines the origins and reasons of the Russian revolutionary process, present discussions of the “optimists” and “pessimists”, events development from February to

October 1917. A mixture of factors, which led to the Russian revolutionary movement radicalization in 1917 and Bolsheviks's taking over, are considered.

Keywords: revolution, revolution studies, historiography, insight, alternatives, “pessimists”, “optimists”, spontaneity, responsibility, dialectic of a revolutionary process.

Голдин Владислав Иванович

*доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова
163002, г. Архангельск, набережная
Северной Двины, 17
тел.: 8(8182)207189
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru*

Goldin Vladislav Ivanovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Senior Research Associate
Northern Arctic Federal University
17, Severnaya Dvina emb., Arkhangelsk,
163002
tel.: 8(8182)207189
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru*